

СОДЕРЖАНИЕ

Лондон.....	7
Доноствия.....	19
Лондон.....	65
Доноствия.....	81
Дублин.....	147
Доноствия.....	303
Дублин.....	399
Об авторе	412

Посвящается Эндрю Уайли

ЛОНДОН

1

Терри Тайсу нравилось убивать людей. Вот так вот просто. Ладно, может, «нравилось» — не совсем подходящее слово. Сейчас ему за это платили, и притом платили неплохо. Только интерес, на самом-то деле, был вовсе не в деньгах. Тогда в чём же? Временами он много думал над этим вопросом на протяжении многих лет. Сумасшедшим он не был, да и с сексом или какой-нибудь подобной дичью никакой связи тут не имелось — нет, он не псих, это уж точно.

Лучший ответ, до которого ему удалось додуматься, заключался в том, что ему просто нравилось наводить порядок, расставлять всё по местам. Люди, для убийства которых его нанимали, стояли у чего-нибудь на пути — у какого-то проекта или ещё какого предприятия, вот и нужно было убрать их с дороги, чтобы дело шло без сучка и задоринки. Ну, либо они просто напрасно небо коптили, что являло собой не менее вескую причину для их устранения.

Само собой разумеется, он не имел ничего личного против любой из своих «мишеней» — именно так он называл их про себя, поскольку слово

«жертва» звучало бы так, будто он в чём-то виноват,— кроме тех случаев, когда они были бараклом и мешали проходу. Да, ему доставляло настоящее чувство удовлетворения делать всё аккуратно и чётко — по-флотски.

Да, по-флотски — вот оно, нужное слово. В конце концов, Терри и правда некоторое время под конец войны служил в британском флоте. Он был слишком молод, чтобы завербоваться, но приписал себе несколько лет — и был взят на борт, и «нюхнул пороху», как поговаривали высокопоставленные чины с бархатными голосами, охотящиеся за немецкими подлодками в Северной Атлантике. Впрочем, корабельная жизнь нагоняла скуку, а со скукой Терри мириться не привык. Кроме того, он оказался склонен к морской болезни. Хорошенький бы вышел моряк из человека, которого, чуть что, тянет перегнуться через леер! Поэтому, как только подвернулась возможность, он ушёл из флота и перевёлся в армию.

Несколько месяцев Терри служил в Северной Африке, ползал на четвереньках по вади, отбивался от мух и палил наугад по знаменитому Африканскому корпусу генерала Роммеля всякий раз, когда из окопов поднимались большие головы в квадратных касках, в то время как на горизонте жужжали, как жуки, танки, днём и ночью поливая друг друга огнём. После этого он некоторое время тягал лямку в Бирме, где ему довелось положить целую кучу желтых коротышек — в общем, повеселился он там на славу.

В Африке он подхватил нешуточный триппер (впрочем, а бывает ли триппер шуточным?), а в Бирме его подкосило ещё более нешуточным приступом малярии. Короче, не понос — так золотуха. Жизнь — один сплошной мухлёж.

Окончание войны приложило рядового Тайса будто обухом по темечку. В мирное время он не знал, чем себя занять, и кочевал по всему Лондону с места на место и с работы на работу. Какой-либо родни, о которой бы Терри знал, у него не водилось — воспитание он получил, или, лучше сказать, вколотили в него это самое воспитание в одном из сиротских приютов Ирландии — а со стародавними дружками по службе в пустыне или на океанской волне он никакой связи не поддерживал. Да, собственно, не так-то и много их было, этих самых дружков. Ни одного, уж если сказать по совести.

Некоторое время он пробовал серьёзно приударять за девушками, но успеха в том не возымел. Большинство тех, кого ему удавалось-таки подцепить, оказывалось проститутками в поисках клиентов — надо думать, от него исходил какой-то особый запах или что-то в этом роде, потому как ночные бабочки так и слетались к нему, словно к свету фонаря, такую вот заметил он штуку. Платить за это дело, конечно, противоречило его принципам, да и потом, об этом-то домой писать уж точно было ни к чему, по его соображениям.

Была, впрочем, одна такая, что прилепилась к нему, не будучи шлюхой. Горячая такая рыжуха, даже

можно сказать, что приличная — работала конторской служащей на автомобильном заводе Морриса неподалёку от Оксфорда, хотя и была коренной лондонкой до мозга костей. Сам он машину не водил, а потому виделся с ней, только если катался туда на поезде или когда её саму заносило в Лондон в редкие выходные, чтобы немного развлечься среди ярких огней большого города.

Сапфир — так она ему представилась. О-ля-ля! Однажды ночью, сидя в пабе «Собака и косточка», порылся он у неё в сумочке, пока она пудрила носик, просто так, из праздного любопытства — да и наткнулся на старую продовольственную книжку, откуда и узнал, что по-настоящему звать её Дорис — Дорис Хаггет с переулка Степни-уэй. Той же ночью он понял, внимательно присмотревшись к своей подруге, что у неё даже волосы — и те крашенные. А ведь мог бы и раньше догадаться по неестественно яркому цвету да по этому их дешёвому металлическому блеску, каким блестит изгиб новенького крыла «Моррис-оксфорда». Продержалась Дорис-она-же-Сапфир немногим дольше всех прочих. Как-то раз в канун Нового года в одном заведении в Сохо перебрала она грушевого сидра и отвернулась, прыснув со смеху от какого-то его замечания. Сам он при этом не видел в сказанном ничего смешного. Хотя она и была пьяна, вывел Терри её в переулок за клубом да и отвесил парочку оплеух, чтобы, значит, привить хорошие манеры. На следующее утро она позвонила с воплями и угрозами, дескать, мол, разберётся с ним за нападение и побои, да только ничего из этого не вышло.

Вот уж чего Терри снести не мог, так это того, когда его не уважают и поднимают на смех. Буквально на днях он связался с какой-то компашкой из Ист-Энда и занялся весьма прибыльными делами — грабежом и тому подобным. Однако ему пришлось отсюда уйти, потому как прирезал он одного из ребят помоложе, а всё за то, что тот вздумал обезьянничать его ирландский акцент — о каковом акценте, надо сказать, Терри до той поры и ведать не ведал.

Он был ловок в обращении как с ножом, так и с огнестрелом — отслужил в армии как-никак! — да и кулаками махать по необходимости был мастак, даже при своём легчайшем весе. Один из близнецов Крэев, Ронни, что ли, нанял его на некоторое время в качестве штатного костолома, но по причине скромных габаритов пошло у Терри всё как-то не шибко. Этим-то ему и нравилась Бирма, несмотря на жару, лихорадку и всё такое прочее — шибздики, мочить которых его послали туда, были одного с ним роста, а то и мельче.

Одним словом, нелегко было заработать себе на хлеб на гражданке, и Терри почти отчаялся (он не стеснялся себе в этом признаваться) — как вдруг в его жизнь скользящей походочкой от бедра ворвался Перси Антробус.

Перси был... что ж, кем именно был Перси, не сразу и расскажешь. Грузный, с одутловатым лицом, по-бабьи широкими бёдрами, синюшными мешками под глазами и мясистой нижней губой, которая обвисала и принимала лоснящийся тёмно-фиолетовый оттенок, когда он пропускал рюмочку-

другую. Излюбленным его напитком был бренди с портвейном; впрочем, начинал он день с так называемого *соуре*, что, как обнаружил Терри, было просто-напросто французским названием для бокала шампанского. Шампанское Перси пил охлаждённым, практически ледяным. Имелась у него и палочка для помешивания коктейлей, отлитая из чистого золота. Когда Терри спросил его, для чего она нужна, Перси вытаращился на него так, как смотрел всякий раз, когда притворялся искренне поражённым: глаза выпучил, большие и круглые, как два пенса, губы поджал махоньким морщинистым бантиком, который и смахивал-то больше не на рот, а сами знаете на что, и сказал: «Милый мой мальчик, ну не могла же к тебе прийти мысль пить шампанское до полудня вместе с пузырьками!»

Вот таким он был, этот Перси.

И надо отдать ему должное, он-то как раз и разглядел в Терри потенциал и познакомил с истинным призванием.

Забавным оказалось, что первой его оплаченной мишенью выпало стать не кому-нибудь, а престарелой мамаше Перси. Лежало у неё в банке немного денег, да что там говорить, довольно-таки порядочно их там лежало, а сама она грозилась вычеркнуть Перси из своего завещания за какой-то промах — то ли он что-то там сделал, то ли чего-то там не сделал. Перси потерял последний ум и решил, что единственный выход — это разделаться с ней, прежде чем она успеет позвонить своему адвокату — «полнейшему хмырю», который, по словам самого

Перси, точил на него зуб,— и велеть ему принести ей вышеупомянутый документ, дабы она вымарала оттуда имя своего единственного сына, упомянутого Персиваля.

Впервые Терри столкнулся с Перси туманной ноябрьской ночью в пабе «Голова короля» в Патни. Потом ему приходило на ум, что это была вовсе не случайная встреча и что Перси выбрал его намеренно — как парня, который, скорее всего, поможет ему решить вопрос о наследстве. Когда время близилось к закрытию, а Перси завёл разговор о своей проблеме «с родительницей» — так и говорил, «с родительницей!» — да о том, как он намеревался её решить, Терри сперва было подумал, что он шутит.

Да только вот оказалось, что это ни фи́га не шутка.

Когда они прощались, стоя у паба, и пар от их дыхания поднимался большими плотными клубами сквозь туман, и без того густой, как гороховый суп, Перси сунул Терри в нагрудный карман две бумажки по десять фунтов и предложил завтра вечером встретиться на том же месте в то же время. Терри колебался, идти или нет, но таки пошёл. Когда Перси увидел, что тот входит в дверь, он широко улыбнулся ему, угостил пинтой светлого да блюдом заливных угрей — и прошептал на ухо, что заплатит ему сто фунтов стерлингов, чтобы тот всадил пулю старухе в башку.

Сто фунтов! О такой кругленькой сумме, да у себя в кулаке, Терри и не мечталось.